

ствами. Сама возможность проведения Великих реформ в 1860–1870-е гг. была обусловлена высоким уровнем развития этого инструментального правительственного конституционализма, особенно в его ритуально-презентационном выражении. Но едва ли он мог мирно перерасти в небюрократический конституционализм парламентского типа. Сотрудничество с узким кругом высшего чиновничества воспринималось императорами как нечто естественное, но к «выборным» у них имелся стойкий иммунитет, как и к публичным конфликтам политических партий (в отличие от кулуарных интриг придворных и правительственных группировок). При этом даже столкновения двух министров, каждый из которых добивался наибольшего влияния на монарха и правительственный курс (например, соперничество С.Ю. Витте и В.К. Плеве), со стороны могли показаться «борьбой двух основных путей самодержавия» (с. 257–258)¹⁷.

Характерно также, что на рубеже XIX–XX вв. все споры в правящих кругах неизменно предполагали демонстрацию всеми их участниками абсолютной лояльности царю и идее самодержавия.

Фёдор Гайда: Когда кадетский компас сломался

*Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia):
When the cadet compass broke*

DOI: 10.31857/S2949124X24030065, EDN: GDNZQW

Василий Маклаков – уникальное явление на политическом небосклоне России начала XX в. Студент историко-филологического факультета Московского университета в силу личных обстоятельств стал не профессором, а талантливым адвокатом, в годы Первой русской революции вошёл в состав ЦК Конституционно-демократической партии, но среди товарищей всегда оставался на особом счету. Он был одним из лучших кадетских ораторов, его знала вся страна и по думским речам, и по судебным процессам. Однако партийное руководство во главе с П.Н. Милюковым относилось к нему настороженно. От него ждали бунта и раскола, после чего, имея такого лидера, на основе правой кадетской группы могла бы сложиться новая либеральная партия, только более деловая и менее доктринёрская, способная к диалогу с правительством¹⁸. Подобный разворот серьёзно трансформировал бы весь политический расклад в России накануне Первой мировой войны. Препятствием служило лишь то, что правые кадеты не чувствовали поддержки сколько-нибудь значимого числа сторонников. А в Совете министров после смерти П.А. Столыпина никто не брался манипулировать оппозицией. В итоге Маклаков оставался в ЦК вплоть до распада партии в годы Гражданской войны, позволяя себе лишь некоторое фрондёрство. Симпатизировавшая ему соратница по ЦК А.В. Тыркова-Вильямс отмечала в дневнике, что Василий Алексеевич, «как всегда играя и усмехаясь», вполне мог ставить под сомнение святыне для партии принципы: «четырёххвостку», принудительное отчуждение помещичьей земли

¹⁷ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Самодержавие перед поворотом к конституции // *Российская история.* 2022. № 4. С. 135–140.

¹⁸ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 39, 170, 206, 208, 242–243, 288–290, 306, 339–353.

в пользу крестьян и даже равноправие для лиц иудейского вероисповедания¹⁹. Возможно, в этом сказывалось нечто семейное: примерно таким же «ужасным ребёнком» в правительственных сферах считался его младший брат Николай.

Накопившиеся обиды Маклаков выплеснул уже в эмиграции, в своих мемуарах. Вероятнее всего, его задевали публикации Милюкова, который в 1919–1921 гг. писал про решающий вклад кадетов в победу революции, неизбежной из-за некомпетентности слуг старого порядка²⁰. Соответственно, и в эмиграции приверженцы Партии Народной свободы рассматривались как авангард общественности, призванной сыграть ведущую роль в будущих судьбах России. В развернувшейся тогда же полемике Милюков гордо утверждал: «Наш компас всегда указывает в одну сторону»²¹.

Но к концу 1920-х гг. победное шествие либеральных ценностей в Европе явно застопорилось. Установление диктатур в самых разных её углах заставляло задуматься о цене революционных кризисов как для всего мира, так и для России. Если Милюков всегда относился к революциям философски и инструменталистски²², то Маклакова интересовало их человеческое измерение. Именно поэтому он взялся не за научное исследование, а за произведение, в котором мемуаристика сочеталась с исторической и политической публицистикой. Причём за широким полотном, на котором он изображал события второй половины XIX – начала XX в., должны были последовать и другие, посвящённые 1906–1917 гг.

Исследуя «старый порядок», Маклаков явно вдохновлялся трудами А. де Токвиля и не скрывал этого (с. 506). Характерно, что оба, будучи видными либеральными политиками, подвергли ревизии путь, пройденный ими и их единомышленниками. Их критика звучала не извне, а изнутри, от чего её ценность лишь возрастала. Как и Милюков, Маклаков видел в отношениях власти и общественности главную магистраль исторического процесса и основную причину революционного исхода. Однако Василий Алексеевич признавал случившееся трагедией. Более того, он, как и Токвиль, отнюдь не считал революцию неизбежной.

В целом, в эмиграции Маклаков находил для «старого порядка» значительно больше тёплых слов, чем до 1917 г. В мемуарах он писал об изначальной силе и инициативности самодержавия, осуществившего Великие реформы. Правда, любое самодержавие, претендующее на неограниченную власть, казалось Маклакову обречённым. В этом отношении он уравнивал царизм с диктатурами

¹⁹ ГА РФ, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 30 об.

²⁰ Милюков П.Н. История второй русской революции. Киев, 1919; София, 1921; М., 2001.

²¹ Милюков П.Н. Старый подлог // Последние новости. 1921. 8 октября.

²² Отношение своих единомышленников к революции Милюков чётко сформулировал ещё в 1907 г.: «Мы хорошо понимаем и вполне признаём верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. Но мы не обоготворяем революцию, не делаем из неё фетиша, а также хорошо помним, что революция есть только метод, способ борьбы, а не цель сама по себе. Этот метод хорош, если и пока он достигает цели: напротив, он плох, если вредит тому делу, которому хочет служить». Таким образом, всё определялось тактическими соображениями: «Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию “непрерывной”, потому что полагаем, что непрерывная революция – революция во что бы то ни стало – служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства» (Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 165, 168).

XX в. (с. 32, 36–37), оставаясь, в сущности, таким же радикальным либералом, как и до революции. От Милюкова его отличала вера в возможность избежать применения насилия как «слева», так и «справа». Маклаков надеялся, что самодержавие в ходе своего мирного и поступательного развития само придёт к конституции (с. 47), избежав гражданской войны и большевистского террора²³. Но власть в 1881 г. свернула с этой стези, совершив фатальную ошибку.

Внешне благополучное царствование Александра III оказалось, по мнению мемуариста, роковым для будущего развития страны. Цареубийство 1 марта 1881 г. вызвало деполитизацию и внутреннее успокоение населения, конституционные мечтания исчезли, но власть усмотрела в этом свою победу над общественными силами и вместо того, чтобы оставаться консервативной, стала реакционной, вернувшись в 1880-е гг. к уваровской триаде. Вместе с тем Маклаков констатирует, что настоящая реакция в конце XIX в. была невозможна, поскольку никто уже не помышлял о возвращении к дореформенным порядкам. В результате возник лишь некий её суррогат (с. 43–50), пагубно влиявший на то поколение, к которому принадлежал Маклаков. Будучи воспитанным в уважении к «легенде» о Великих реформах, оно чуждалось радикализма и искало легальных путей, закрытых самой властью. Не находя практического применения своим обширным гуманитарным знаниям, интеллигенция погружалась в утопии, включая то же толстовство, характерное для многих умеренных либералов начала XX в. (с. 32, 94). Подобные обстоятельства взросления будущих политиков новой эпохи позднее неоднократно отмечались мемуаристами²⁴.

Но, как считал Маклаков, даже накануне революционных потрясений у самодержавия оставались стратегически мыслящие слуги, и тот же С.Ю. Витте, если верить мемуаристу, осознанно вёл императора к изменению политического строя, возвращая власть на дорогу Великих реформ. В своей известной записке, изданной под названием «Самодержавие и земство», Сергей Юльевич будто бы не призывал к ограничению земства, а готовил монарха к неизбежным уступкам представительным учреждениям (с. 229–239). Там, где другие подозревали у Витте отсутствие глубоких политических взглядов или «принципиальную беспринципность», Маклаков как искусный адвокат обнаружил искренность и перспективу. В самом деле, можно только догадываться, как гр. Витте повёл бы себя перед I Думой, будь он по-прежнему председателем Совета министров. Потеряв в 1903 г. пост министра финансов и шансы на роль «великого визиря», он, похоже, увидел себя будущим конституционным премьером. Возглавив в 1905 г. правительство, граф демонстрировал готовность на самые разные сделки, но, не договорившись в октябре с общественностью, стал в декабре сторонником крутых мер. А в апреле 1906 г. никто не помешал бы строить планы на президентство в той республике, которую объявило бы

²³ С этим, возможно, соглашается в комментариях и С.В. Куликов, утверждая, что осуществление планов гр. М.Т. Лорис-Меликова «явилось бы шагом на пути к установлению подлинной конституции» (с. 516).

²⁴ *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 102; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / Публ. М.Г. Вандалковской. М., 1997. С. 127–128; *Корнилов А.А.* Воспоминания / Публ. А.Д. Степанского // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 154–158; *Львов Г.Е.* Воспоминания. М., 1998. С. 67, 73, 75–76, 118–121, 133, 159; *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 102; *Тыркова-Вильямс А.В.* То, чего больше не будет / Публ. В.В. Шелохаева и С.В. Шелохаева. М., 1998. С. 95, 141–143, 212, 233, 240, 243; *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / Публ. Р.Б. Самофал. СПб., 2009. С. 46.

в стенах Таврического дворца Учредительное собрание. И спасителем России всегда выступал бы «Serge premier», или Сергей I.

Маклаков полагал, что в октябре 1905 г. кадетам следовало пойти на соглашение с Витте. Манифест 17 октября 1905 г. уже предоставил России конституцию (с. 502). Однако партия желала большего и примкнула к революционному «Ахеронту». В результате её политика перешла в политиканство (с. 164–165, 427–428), а «достоинства» свелись к грамотно выстроенной предвыборной кампании, позволившей завоевать большинство в I Думе (с. 429–443). Но атака на власть закончилась провалом, а договориться со Столыпиным, целенаправленно спасавшим конституционную монархию, не удалось (с. 226). Кадеты могли, но не захотели помочь ему вывести страну из того политического тупика, в котором она оказалась благодаря реакции и непоследовательности уступок (с. 505–511). В итоге именно революция, которую приближали кадеты, уничтожила все их надежды на прогрессивное развитие государства, а большевики в борьбе за власть воссоздали худшие черты самодержавия (с. 34–37).

Мемуары Маклакова имели большой резонанс. Началась открытая полемика, напоминая споры вокруг сборника «Вехи». Милоков вновь упрекал правое крыло партии в обслуживании интересов реакционных сил. Бывшие члены правительства Николая II, напротив, соглашались с наблюдениями Василия Алексеевича. Прочитав его воспоминания, последний министр торговли и промышленности Российской империи кн. В.Н. Шаховской отметил: «Как ни странно, но общественная деятельность у нас не выработала государственных людей. Как это ни странно, но бюрократический опыт (я говорю о высшей бюрократии) давал у нас много больше *умения* к правлению государством, чем всякого рода общественные и земские организации»²⁵. Пожалуй, ничего странного в этом не было. Общественность, воспитанная в оппозиционном духе, так и не смогла его в себе преодолеть. Это хорошо видно по поведению кадетов между Февралём и Октябрём 1917 г. И в этом смысле конституционные демократы — действительно детище Александра III.

Михаил Алмазов: Либералы и «историческая власть» на заре великих потрясений

*Mikhail Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Liberals and the «historical state power» at the dawn of the great upheavals*

DOI: 10.31857/S2949124X24030071, EDN: GDNHVR

Научное издание главного произведения В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника», сочетающего черты мемуаров, публицистического произведения и исторического исследования и никогда не публиковавшегося на Родине автора, — значительное событие в отечественной историографии. Текст книги удачно дополнен вступительной статьёй и пространными комментариями С.В. Куликова — авторитетного исследователя политической истории России конца XIX — начала XX в., справедливо отметившего, что идеи, высказанные Маклаковым почти

²⁵ Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917 / Публ. С.В. Куликова. М., 2019. С. 342.